

ПРАВОВЫЕ АКТЫ В ЭПИГРАФИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ*

Доктор ист. наук П. М. МУРАДЯН

Медиевисты, в том числе и историки права, едва ли могут жаловаться на скудость первоисточников по средневековой Армении. Имеющиеся в их распоряжении «Книга канонов» — свод оригинальных и переводных памятников, решения местных церковных соборов, «Книга посланий», «Каноны» Давида сына Алавика, «Судебники» Мхитара Гоша и Сумбата Спарапета, касающиеся Армении «Новеллы» Юстиниана, переводы преко-сирийского права, воинских законов и т. д. в сочетании с живой этнографической правовой традицией были бы вполне достаточны, если бы мы имели дело со стабильным обществом, имеющим столь же стабильные регулирующие институты.

Однако, реальности политической жизни Армении таковы, что всякая попытка целостного изложения правовых аспектов истории армянского общества граничит с опасностью идеализации. Раздел страны на византийскую и персидскую части, упразднение марзпанства арабским нашествием, кратковременность автономии, восстановление царства, присоединение Васпуракана, а затем и царств Анийских и Карсских Багратидов к Византии и образование фемиого управления, нашествие сельджуков, включение Северной Армении в состав грузинского государства, владычество монголов, позже турок и персов — все это лишало местное общество стабильного развития, приводило к новым административным образованиям, меняло существующие классовые и родовые статуты, вызывало активизацию переселенческих тенденций и т. д. Одним словом, общество было подвержено политическим и социальным потрясениям, которые, несомненно, не обходились без изменений в правовых основах того же общества.

Проследить эти изменения по памятникам правовой литературы довольно трудно, ибо они фиксируют нормы лишь отдельных этапов армянской истории, либо даже отдельных регионов, тогда как историки права склонны отыскивать нормы общеармянские, относительно стабильные. Не рискуя впасть в крайность, можно даже усомниться — все ли из этих памятников находили практическое применение, могли ли исполнители правовых акций исходить из существующих письменных нормативов при неустойчивости общественной жизни? Это далеко не риторические соображения, если мы хотим реконструируемую нами книжную историю того или другого общества привести в согласие с моделируемой реальностью.

Конечно, при всех превратностях политической жизни страны церковь продолжала оставаться общеармянским регулирующим институтом, нередко, особенно в сношениях с внешним миром, выполняя функции упраздненного национального государства. Но, как нам представляется, эту роль церковной организации никак нельзя абсолютизировать.

* Доложено на Втором международном симпозиуме по рецепции византийского права в Древней Руси, Армении и Грузии 7. IX. 1988 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

У историка XIII в. Степаноса Орбеляна сохранилось редкое в армянских неграмотных памятниках описание тяжбы вокруг чудотворного креста в связи с этим созданного атабеком Иванэ в 1216 г. судебного разбирательства в Дивине. Выясняется, что спор между двумя монофизитскими кафедрами — Нораваном и Татевом — решался не духовными представителями страны, определяемыми католикосом, а лицами, не имеющими непосредственного касательства к армянским церковным делам — вельможами грузинского царства, чкондиделом и мцигнобаром, духовными властями Вардзиз, Плиндзаханка и Гареджа, мусульманскими судьями Тифлиса и Ани, шейхом Сурмари с участием армянских описщиков Ани, Блжини и Ахията. Такой состав суда, само устройство и процесс разбирательства никак не вписываются в контекст тех определений, которыми располагает исследователь средневекового права по памятникам юриспруденции. Вот почему нами выдвигается тезис о том, что правовые нормативы и правовая практика зачастую существенно расходились, а следовательно, имеющиеся средневековые правовые памятники, перечисленные выше, не достаточны для воссоздания реальной средневековой картины.

Нам кажется, что важным контролирующим источником исследования истории права могут и должны служить сохранившиеся правовые акты — средневековые документы, т. е. дипломатике должно быть отведено надлежащее место. Но тут арменовед сталкивается с определенной трудностью: по известным обстоятельствам (долговременное отсутствие единого государственного образования, а следовательно и царских архивов, частые перемещения резиденции католикоса, уничтожение родовых знати с ее наследственными правами и архивами, миграция населения и, наконец, уничтожение многих армянских церковных собраний в годы первой мировой войны) из средневековой армянской дипломатики мало что уцелело. В основном сохранилось то, что было внесено в отдельные монастырские синодики, либо в рукописи богослужбного характера в виде записи.

Кстати, специфика армянской истории, прежде всего неустойчивость этно-политической ситуации, четко сознавалась почти всеми слоями общества, поэтому в поисках способов долговечной сохранности разнородной документации (земельные сделки, соглашения о спорных угодьях, межевые разделы, размеры налогов, вклады в строительство, царские, католикосские и княжеские указы и определения и т. д.) выбор был сделан в пользу высечения текста в виде надписи на стенах культовых сооружений. Академиком Н. Я. Марром давно замечено, что «с известной эпохи, так с XI-го века в Армении начинают умножаться надписи на стенах церквей, постепенно стены становятся архивом деловых документов, как то: жалованных грамот, правил о пользовании водой, монастырских определений о службах, епископских решений; иногда они современны событиям, а иногда воспроизведены позднее, как исторические или скорее правовые документы; в качестве таковых часто высекаются на стенах позднее и древние ктиторские акты, появляющиеся вообще первыми, уже с VII-го века на армянских церквях»¹. Именно забота о долговечности документа побуждала их авторов к лапидарной публикации. В этом отношении показательна заключительная часть завещания, составленного в 981 г. дочерью Ашота Шахиншаха Рипсимэ: «Ныне же я — Рипсимэ, по образу сего дела написала послание и отправила отцу моему царю, дабы высек он [его] на каком-либо камне и

¹ Н. Я. Марр. К датировке ктиторской надписи Текорского храма. — Христианский Восток. Т. III, вып. 1, Пг., 1914, с. 58—59.

водрузил на колокольне нашего храма св. Иоанна, ибо в будущем если бумаги испортятся от огня и воды, каменная стела же невредимой останется навечно»².

Следует констатировать, что лапидарные документы функционировали полноправно, наравне с архивными. В начале нашего века И. А. Орбели заметил, что некоторые надписи Гандзасарского монастыря специально попорчены, поскольку их собирались учитывать при судебном разборе спорных земельных вопросов.

Для иллюстрации важности учета эпиграфического материала при исследовании истории права приведу два примера: историки располагают несколькими весьма обстоятельными источниками по семейному праву в средневековой Армении, а именно—канонами Шахапиванского собора (447 г.), двадцать первой новеллой Юстиниана от 536 г., определениями судебных Гоша и Сумбата, свидетельством немецкого средневекового автора Ганса Шильтбергера и т. д., но о том, что для приобретения права на брак родители невесты должны были платить дань представителям местной администрации, мы узнаем из надписи епископа Саркиса (XIII в.), высеченной на стене церкви св. Апостолов в Ани. В ней говорится: «Во имя долгоденствия патишаха, Аргун-аги и Сахибдивана. Волею бога я, владыка Саркис, сын Магистроса, установил сие: определено было изначально, дабы невеста обретала право [на свадьбу]. Это было нечто убогое и неподобающее. Я установил, что юноша должен обрести это право, и никто не вправе применить насилие. Кто противится сему написанному, из моих или чужеродных, да будет проклят 318 патриархами»³. Об этой специальной дани *харсанеһак* говорят еще две надписи—из Бджни (1325 г.) и с. Бардзрашен. В специальной литературе эту дань иногда путают с оплатой, взимаемой церковнослужителями за совершение процедуры бракосочетания. Кстати, и этот вид дохода церкви констатируется надписью Анберда от 1026 г.

Видимо, юридические установки нередко нарушались и в средневековом обществе. Относительно сана и достоинства епископа в «Книге канонов» говорится неоднократно, в том числе и в постановлениях Шахапиванского собора, но вот, в 1251 г. католикос Константин с одобрения правителя Ани Шахиншаха счел нужным вновь предостеречь—если кто станет епископом с помощью взятки, без требуемого возрастного ценза и выборов, да будет он проклят (надпись из Мрена). Понятно, что участвовавшие нарушения заставили католикоса высечь надпись подобного содержания.

С точки зрения армяно-византийских отношений, в том числе и административно-экономической политики империи в XI в., в двадцатилетний период владычества византийцев над городом Ани (1044—1064 гг.), три анийские надписи, оставленные магистром Аароном (1055/6 г.), Иоанном Магистриотом (1059 г.) и магистром и каталаном Востока Багратором (1060 г.), дают ничуть не меньше нужной и реальной информации, чем рассказывающие об этом же периоде армянские и византийские историки (Аристакес Ластиверци, Кедрен, Зонарий, Аттилиат). Нельзя не согласиться с заключением В. Н. Бенешевича, что «для историков права и особенно хозяйства древней Армении надпись Бапрата должна будет служить долгое время не источником света для объяснения неизвестных явлений, а предметом внимательного изучения, обещающим в наг-

² Գ. Հ ո Վ ո ե փ յ ա ն. Հ ի շ ա տ ա փ ա Ր ա ն ք ձ հ ո ա գ Ր ա ճ. Ա ն Թ ի ի խ ս ս, 1951, էջ 141—142.

³ Դ ի Վ ա ն Հ ա յ ղ ի մ ա գ Ր ա թ Մ յ ա ն. I. Երևան, 1966, էջ 19.

раду за труд богатые результаты, но требующим обширной подготовительной работы в различных отношениях». Такая характеристика должна быть отнесена вообще к памятникам армянской эпиграфики, значительная часть которых, около десяти тысяч, все еще нуждается в научно документированном издании, не говоря уже об их источниковедческом исследовании, в том числе и с точки зрения истории права.

ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՎԱՎԵՐԱԳՐԵՐԸ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՎԻՄԱԳՐԵՐՈՒՄ

Պատմ. գիտ. դպկոսոս Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

Ա մ փ մ փ մ մ

Հայոց միջնադարյան իրավունքի պատմաբանները աղբյուրների սակավությունից գանգատվելու սովոր չունեն՝ մանավանդ «Կանոնադրքերի», «Դատաստանագրքերի», «Թղթոց գրքերի» և այլ պատմողական բնադրերի, ժողովների որոշումների առկայության պարագայում: Սակայն քաղաքական, տնտեսական, վարչական ու դավանական ոչ կայուն կացությունը ոչ միշտ էր հնարավորություն տալիս խստագույնս ավանդապահ լինել բոլոր դարաշրջաններում ու տարածաշրջաններում: Ուստի կանոնական շատ սահմանումներ դադարում էին գործնական կիրառություն ունենալուց և վերածվում պատմաճանաչողական հիշողության: Իրավական նորմերի, փաստական սահմանումների ու փաստական իրողությունների արձագանքը բավականաչափ հըսաակարեն վկայված է վիմադրերում, որոնք հայոց իրավունքի պատմության կտրվածքով գրեթե ուսումնասիրված չեն: Բացահայտվող նորորակ վկայությունները հավասարապես նկատառելի են քաղաքական այն կաղմավորումների համար ևս, որոնց իշխանության շրջանակների մեջ է ընդգրկվել Հայաստանը (Թյուզանդիա, Պարսկաստան, Վրաստան):